

Михаил Мясников

Мертвые души 2

18+

Михаил Мясников

Мертвые души 2

<https://litres.ru/73995198>

SelfPub; 2026

Аннотация

В своём имени влачит бесцельное существование Андрей Иванович Тентетников — человек неглупый, но сломленный неудачей. Попытки реформировать хозяйство обернулись крахом, оставив его в апатии и одиночестве, усугублённом ссорой с генералом Бетрищевым, дочерью которого он тайно увлечён.

Неожиданное появление Павла Ивановича Чичикова под предлогом поломки экипажа нарушает мёртвый покой усадьбы. Обладая феноменальным талантом располагать к себе людей, Чичиков быстро становится желанным гостем. Эта встреча запускает цепь событий, которая заставит отшельника покинуть свою скорлупу, помириться с генералом и отправиться в путешествие по России. На этом пути Чичиков продолжит свои аферы с «мёртвыми душами», знакомясь с самыми колоритными помещиками страны — от рачительного миллионера до хозяина-бюрократа, — и окажется на грани разоблачения, что поставит вопрос о возможности его собственного нравственного перерождения.

Содержание

Глава 1	4
Глав	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Мясников

Мертвые души 2

Глава 1

Утро в имении Тентетникова не отличалось от тысячи других, канувших в безвестность дней. Оно не рождалось с первым лучом солнца, а скорее выползало из серой пелены тумана, что плотно укутала парк и поля. Небо над усадьбой было низким, свинцовым, готовым вот-вот пролиться холодным дождем на размокшие дороги и почерневшую листву. В такую погоду сама природа, казалось, впадала в оцепенение, и лишь мокрые галки хрипло переругивались на старых липах.

Андрей Иванович Тентетников, барин тридцати трех лет, проснулся поздно. Не то чтобы он спал сладко — сон его был тяжел, беспокоен и прерывист, как стук дятла по больной сосне. Проснувшись, он долго лежал, глядя в высокий потолок своей спальни, где по углам уже начинал скапливаться сумрак. День не сулил ничего нового, кроме привычной череды пустых занятий, и эта мысль придавливала к перине сильнее любого физического недуга.

Наконец, издав глубокий вздох, похожий на стон ветра в печной трубе, он позвонил в колокольчик. Явился заспанный

слуга с рукомоёмником. Умывание заняло полчаса: Андрей Иванович медленно, с видимым усилием тер лицо холодной водой, словно пытаясь смыть не только ночную усталость, но и самую необходимость начинать этот день. Завтрак, накрытый в столовой, остыл. Он лениво поковырял вилкой яичницу, выпил чашку жидкого кофея и снова погрузился в апатичное созерцание окна.

Его кабинет, куда он перешел после завтрака, являл собой памятник несбывшимся надеждам. На столе громоздились кипы книг по агрономии, политэкономии и философии, купленные некогда с пылким юношеским энтузиазмом. Теперь они покрывались тонким слоем пыли. Рядом лежали начатые и брошенные «Записки об улучшении быта крестьян», испещренные витиеватыми, но совершенно нежизнеспособными прожектами. Когда-то он верил, что сможет создать здесь, в глуши, некий идеал просвещенного хозяйства, где мужик будет трудиться осмысленно, а земля приносить сторицей. Реальность оказалась груба и неповоротлива. Его реформы встретили глухое сопротивление, непонимание и тихий саботаж. Мужики кланялись в пояс, а делали по-своему; урожай гнил на корню; приказчик воровал.

Тоска навалилась с новой силой. Чтобы заглушить её, Тентетников подошел к книжному шкафу, взял первый попавшийся том, но читать не смог — строки плыли перед глазами. Тогда он сел за бюро, достал чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу и замер. Мысли его были подоб-

ны осенней грязи: вязкие, темные и бесформенные. О чем писать? Кому?

Единственным светлым пятном в этой картине увядания была Уленька Бетрищева, дочь генерала-соседа. При воспоминании о ней его бледное лицо на мгновение оживилось. Она была воплощением той чистоты и деятельного добра, которых так не хватало вокруг. Но и это воспоминание теперь отдавало горечью. Генерал, человек старой закалки, однажды позволил себе фамильярность, обратившись к нему на «ты». Для щепетильного Андрея Ивановича это стало последней каплей. Он вспылил, наговорил резкостей и навсегда порвал отношения с домом Бетрищевых. С тех пор он заперся в своем поместье, превратив добровольное уединение в тюрьму для собственной души.

День тянулся бесконечно. После обеда, состоявшего из вчерашнего супа и холодной телятины, Тентетников вновь оказался у окна. Он смотрел на унылый пейзаж: на голые ветви сада, на размытую дорогу, уходящую в бескрайнее серое поле. Жизнь проходила мимо. Энергия, данная ему природой, не находила выхода и сгорала впустую, превращая его существование в тусклое тление. Он был не злодеем, не лентяем в простом смысле этого слова. Он был «коптителем неба» — человеком, чья душа, подобно сырому полену в печи, чадила едким дымом разочарования, не давая ни света, ни тепла. И впереди не виделось никакого просвета, кроме такой же бесконечной череды пустых, бессмысленных дней.

Вдруг тишину, нарушаемую лишь монотонным шумом дождя, прорезал отдаленный звук. Это был звон бубенцов. Кто-то ехал по раскисшей дороге, приближаясь к его одинокой усадьбе. Андрей Иванович прислушался. Звук становился все громче, настойчивее, разрывая мертвенную пелену его одиночества и предвещая скорые перемены.

Вскоре в столовую, где Тентетников всё ещё стоял у окна, застыв с недопитым чаем, вошел лакей Прохор. Старик шаркал ногами и говорил так тихо, словно боялся спугнуть гостя.

— Барин... Там до вас проезжий пожаловали. Экипаж у них, говорят, в грязи по самую ось увяз. Просят приюта и дозволения обсушиться. Тентетников вздрогнул, будто пробуждаясь от долгого сна. На лице его промелькнуло сначала раздражение — вторжение чужака в его скорбное одиночество казалось кощунством, — но тут же сменилось вялым любопытством. — Кто таков? Из каких будет? — спросил он, не оборачиваясь. — Не сказался толком. Одет справно, погородскому, но без форсу. Говорит складно, вежливо. Павел Иванович Чичиков, коллежский советник в отставке, — доложил Прохор, заученно перечисляя титулы, которые гость успел ему сообщить. — Пусть войдёт, — после долгой паузы махнул рукой Андрей Иванович. — Вели подать горячего сбитня да закусок каких-нибудь сооруди. И пусть Степан затопит камин в голубой гостиной.

Через несколько минут дверь отворилась, и на пороге по-

явился сам господин Чичиков. Это был человек неопределённых лет и среднего роста, с округлым лицом и выражением не то чтобы приторной, а какой-то идеально выверенной приветливости. Он не улыбался широко, что было бы неуместно в доме, где царила хандра, но уголки его губ были слегка приподняты, готовые в любой момент сложиться в приятную, располагающую улыбку. Его глаза, маленькие и живые, мгновенно обежали комнату, оценивая и обстановку, и самого хозяина.

— Помилуйте, Андрей Иванович! — воскликнул он мягким, бархатистым голосом, делая шаг вперед и прижимая руки к груди. — Какое несчастье! Я ехал к родственнику своему, полковнику Кошкарёву, будь он неладен с его новыми дорогами, и вот — увяз по самые уши! Мой Селифан, бессты, уверял, что знает короткую дорогу через ваши владения. Если б не ваше великодушие, пришлось бы мне ночевать в тарантасе посреди чистого поля, рискуя подхватить жестокую простуду!

Он говорил быстро, легко, пересыпая речь шутливыми замечаниями о погоде и дорожных тяготах, но при этом ни на секунду не переставал внимательно следить за реакцией собеседника. Тентетников, привыкший к угрюмому молчанию своих дворовых, поначалу опешил от этого словесного потока. Однако обходительность гостя была столь искренней, а сетования на судьбу столь комичны, что ледяная корка отчуждения дала первую трещину.

— Что ж вы стоите, батюшка мой! — засуетился Тентетников, обретая вдруг давно забытые манеры гостеприимного хозяина. — Вы промокли! Вам необходимо переодеться во что-то сухое. У меня как раз остался отличный халат покойного дядюшки... Прохор! Немедленно неси халат для Павла Ивановича! И распорядись насчет обеда! Нет, нет, я настаиваю! Вы мой гость, и я не приму отказа. В моем положении это единственное развлечение — выслушать столичные новости из первых уст.

Чичиков рассыпался в благодарностях, отказываясь от халата (он-де уже обсох у жарко натопленного камина), но с радостью принял приглашение к обеду. За столом произошла настоящая метаморфоза. Хозяин, который час назад едва мог поднять ложку, теперь оживился. Разговор полился рекой. Чичиков оказался удивительным слушателем и еще более удивительным рассказчиком. Он умело лавировал между темами: немного сплетен о петербургских чиновниках, остроумный анекдот о каком-то купце-миллионере, легкий философский пассаж о превратностях судьбы, приправленный самоиронией.

— Знаете ли, Андрей Иванович, — говорил он, аккуратно накладывая себе грибков, — я много размышлял в дороге. Вот сидим мы здесь, вдали от суеты, окруженные этой величественной, хоть и печальной природой. А ведь жизнь проходит! Мы коптим небо, пока другие действуют. Я, признаться, и сам человек неприкаянный, вечный странник, ищущий

своего места под солнцем. Но сидеть сложа руки — это, право слово, преступление против самого себя.

Эти слова попали точно в цель. Тентетников, чьи щеки впервые за многие месяцы окрасились румянцем, горячо поддержал разговор. Он начал рассказывать о своих юношеских мечтах, о книгах, о неудавшихся реформах. Чичиков не перебивал, лишь вставлял сочувственные «Ах, как я вас понимаю!» или «Да-да, бюрократия заела!». Он пил эту исповедь, смаковал её, понимая, что перед ним сидит не просто скучающий помещик, а идеальная жертва — человек богатый, разочарованный и абсолютно одинокий, жаждущий понимания.

К концу вечера они беседовали уже как старые друзья. Тентетников, провожая гостя в отведенную ему комнату, даже предложил задержаться на пару дней, чтобы дожидаться, пока дороги подсохнут. — Право слово, Павел Иванович, ваша компания — лучшее лекарство от моей хандры. Оставайтесь. Расскажите мне подробнее о ваших планах. Я слышал, вы интересуетесь хозяйственными делами? — Ах, Андрей Иванович, — вздохнул Чичиков, берясь за ручку двери. — Мои дела — это сплошные хлопоты и поиски. Но рядом с таким просвещенным человеком, как вы, я чувствую, что даже мои мелкие заботы приобретают иной смысл. Благодарю вас за приют и душевный разговор. Я остаюсь. Оставшись один, Чичиков позволил себе сбросить маску радушия. Лицо его стало жестким и сосредоточенным. Он подошел к ок-

ну, выходявшему во двор, и долго смотрел на темные силуэты построек. «Вот оно, гнездышко, — думал он, поглаживая подбородок. — Птичка сидит нахохлившись, замерзла. Ничего, я её сейчас согрею. Главное — не спешить. Сначала войти в доверие, стать своим. Узнать все ходы-выходы, посчитать души... А этот Тентетников — занятный экземпляр. Коптителъ неба, значит. Ну-ну. Небо покоптится, а капиталец сколотится». Он усмехнулся в темноте, лег в постель и почти сразу захрапел — спокойно и деловито, как человек, хорошо сделавший свою работу. А в другом крыле дома, лежа без сна на высоких пуховых перинах, Андрей Иванович Тентетников смотрел в потолок и чувствовал, как глухая тоска, сжимавшая его сердце долгие годы, медленно отступает, уступая место робкой надежде. Он больше не был одинок.

Следующие дни превратились для Тентетникова в настоящий праздник общения, которого он был лишен так долго. Чичиков оказался не просто приятным собеседником, а настоящим виртуозом светской беседы и душевного разговора. Он действовал с филигранной точностью, словно опытный садовник, который знает, какое растение нужно полить, чтобы оно расцвело.

Чичиков понял главное: Тентетников страдал не столько от одиночества, сколько от ощущения собственной никчемности и не востребованности своих идей. Поэтому он предоставил Андрею Ивановичу роль главного оратора. За утренним кофе, во время прогулок по раскисшему парку или вече-

рами у камина, Чичиков задавал наводящие вопросы и превращался в идеального слушателя.— Вы говорите о системе севооборота? Помилуйте, это же целая наука! А ваши мысли об общинном укладе... Я, признаться, профан в этом деле, но вы заставляете меня взглянуть на русскую деревню совершенно иначе. Ваша эрудиция поразительна! Он буквально зеркалил идеи хозяина, восхищаясь его начитанностью и благородными порывами. Для Тентетникова, привыкшего к тому, что его прожекты называют чудачеством, такое искреннее (как ему казалось) признание было живительным бальзамом. Он часами мог рассуждать о философии и сельском хозяйстве, видя в глазах гостя неподдельный интерес.

Чичиков мастерски создавал атмосферу доверительности. Он постоянно подчеркивал их мнимое сходство.— Знаете, Андрей Иванович, я ведь тоже чувствую себя лишним человеком в этом мире наживы. Все эти чиновники, карьеристы... Им чужды высокие материи. Они смотрят на жизнь как на бухгалтерскую книгу. Мы с вами — другие. Мы ищем смысл, мы думаем о душе. Эта лесть была тонкой и ненавязчивой. Она возводила стену между ними, «избранными», и остальным миром. Тентетников начал видеть в Чичикове единомышленника, брата по духу, который один способен понять глубину его страданий и величие его упущенных возможностей.

Тема генерала Бетрищева и Улиньки висела в воздухе. Чичиков не лез в душу сразу, но постепенно, через рассказы о

важности семейных уз и уважении к старшим, он подвел разговор к нужной теме. — Гордость — прекрасное качество, но иногда она служит плохую службу. Жизнь коротка, а старшие часто бывают резки не от злого сердца, а от простоты души. Неужели минутная обида стоит вечной разлуки с тем, кто вам дорог? Эти слова попадали точно в цель. Чичиков не уговаривал, он лишь размышлял вслух, оставляя Тентетникову самому делать выводы. И вывод напрашивался сам собой: гость прав. Его затворничество бессмысленно, оно наказывает только его самого и лишает счастья Улиньку.

На фоне апатичного хозяина подвижность и энергия Чичикова выглядели особенно выигрышно. Павел Иванович не сидел на месте. Он обошел все имение, заглянул на конюшню, поговорил с приказчиком (вежливо, но строго), даже дал пару дельных советов по мелкому ремонту дома. Эта суета, пусть и поверхностная, создавала контраст. Рядом с ним Тентетников чувствовал себя еще более неповоротливым и ленивым, что подсознательно толкало его к активности. Гость заражал своей витальностью.

К концу третьего дня Тентетников уже не представлял жизни без своего нового друга. Когда Чичиков, сидя в кресле после ужина, задумчиво произнес: — Завтра мне бы хотелось засвидетельствовать почтение вашему соседу, генералу Бетрищеву. Говорят, человек он строгий, но справедливый. Да и новости армейские послушать было бы любопытно... Андрей Иванович встрепенулся. В голове его мгновенно

сложился план.— К генералу? — переспросил он небрежным тоном, стараясь скрыть волнение. — Что ж, я мог бы составить вам компанию. Давненько не бывал у него. Неловко как-то... Но ради вас, Павел Иванович, пожалуй, нарушу этот глупый обет молчания.

Лицо Чичикова озарилось самой теплой и благодарной улыбкой, на какую он только был способен.— Друг мой! Как я рад! Это будет прекрасный шаг. Вы сами увидите, всё окажется проще, чем вы думаете. А я буду счастлив выступить миротворцем. В эту минуту Тентетников любил Чичикова как родного брата. Он не замечал холодного блеска в глазах гостя, когда тот отворачивался к огню, думая уже не о примирении влюбленных, а о том, как ловчее подобраться к генеральским мертвым душам. Иллюзия дружбы была создана. Дверь в дом Бетрищевых для Чичикова теперь открывалась рукой самого Тентетникова.

На следующий день, после успешной вылазки к генералу Бетрищеву (где Чичиков блистал, а Тентетников лишь молча краснел при виде Улиньки), в имение Тентетникова вернулось некое подобие жизни. Вернее, жизнь вернулась только в кабинет хозяина, где теперь постоянно пахло дорогим табаком и звучал бархатистый голос гостя.

Чичиков понял: чтобы окончательно поработить душу этого «копителя неба», мало просто слушать — нужно стать его рупором, апологетом его несбывшихся мечтаний. И он начал с главного — с бумаг, что пылились на столе.

— Андрей Иванович, друг мой! — воскликнул Павел Иванович как-то вечером, взяв в руки одну из тетрадей в потертом кожаном переплете. Он надел пенсне, которое носил скорее для солидности, чем по необходимости, и углубился в чтение. Тентетников замер. Это были его «Записки о фундаментальном переустройстве земледелия» — плод бессонных ночей и горьких разочарований.

— Помилуйте... — смущенно пробормотал хозяин. — Это же так, черновики... Бесплодные фантазии. Я пытался применить здесь теорию разделения труда, но наш русский мужик...

— Вздор! — перебил его Чичиков, отрываясь от чтения. Глаза его горели неподдельным энтузиазмом. — Как вы можете так говорить? Это же гениально! Вот здесь, смотрите: «Введение системы артельного возделывания технических культур». Вы опередили свое время минимум на полвека! Да за такие мысли вас должны носить на руках!

Тентетников недоверчиво посмотрел на гостя, ища в его лице следы насмешки. Но видел лишь искренний восторг. — Вы читали Жан-Жака Руссо? Нет? А ведь ваши идеи перекликаются с ним! Естественное право человека на свободный труд, облагороженный просвещением! Вы предлагаете не просто заставить мужика работать, а заинтересовать его! Дать ему долю в прибыли! Это... это гуманизм высшей пробы!

Чичиков вскочил и начал ходить по кабинету, размахивая

вая рукописью.— Представьте себе, Андрей Иванович! Мы берем вашу систему, дорабатываем детали... Вы могли бы представить этот проект в Вольном экономическом обществе! Петербург ахнет! Вас пригласят ко двору! Государь император лично заинтересуется вашим методом искоренения бедности! Вы станете знаменем нового поколения помещиков!

Он говорил без умолку, рисуя картины триумфа. В его словах Тентетников видел себя уже не неудачником, прозябающим в глуши, а реформатором всероссийского масштаба, спасителем отечества от экономической стагнации. Голова у Андрея Ивановича шла кругом.

Но Чичиков не останавливался. На следующий день объектом восхвалений стала философия.— Ваша метафизика, дорогой мой! — вещал он за вечерним чаем. — Ваше сравнение русской души с непаханным полем, которое ждет своего сеятеля! Это мощно! Это глубже, чем у славянофилов! Они говорят о почве, а вы говорите о семени! О том самом божественном начале, которое спит в каждом русском человеке и которое нужно разбудить светом знания!

Тентетников, который считал свои философские эссе пустой тратой времени, сидел красный от удовольствия и выпитого мадейры. Ему казалось, что он заново рождается. Каждое слово Чичикова было целебным бальзамом на старые раны самолюбия.

Павел Иванович действовал как опытный дирижер. Он

знал, что человек, разуверившийся в своих идеалах, подобен сломанной лютке. Нужно лишь подтянуть струны его тщеславия, и она зазвучит дивной музыкой. Он хвалил всё:

Книги: «Ваша библиотека — это сокровищница! Этот трактат о пчеловодстве — я нашел там столько параллелей с государственным устройством!»

Планы: «Ваш проект разведения тонкорунных овец? Изумительно! Экспорт шерсти в Англию принесет вам миллионы!»

Даже неудачи: «То, что вы называете провалом реформы, есть бесценный опыт! Теперь вы знаете врага в лицо! Бюрократия! Она душит любое живое дело. Но мы с вами, вооруженные этим знанием, пойдем другим путем».

Через неделю Тентетников преобразился. Халат был заброшен в дальний угол. Он стал раньше вставать, чаще выходить к обеду, глаза его заблестели. Он снова начал диктовать приказчику распоряжения, хотя пока робко. Он спорил с Чичиковым о политике, горячо отстаивая свои взгляды, которые еще недавно казались ему самому пустыми.

А Чичиков, глядя на это преобразование, внутренне посмеивался. Он создал чудовище Франкенштейна, вдохнув жизнь в мертвые проекты. Он возвел воздушный замок из пыли, лежавшей на столе хозяина. И теперь этот замок, сверкая позолотой лести, возвышался над унылой реальностью имения. Тентетников поверил. Поверил в свою гениальность, в свою миссию. И ради этой веры он готов был сделать для своего

благодетеля всё, что угодно.

Идея, брошенная Чичиковым, упала на благодатную почву. На следующее же утро Тентетников, позабыв о своей обычной меланхолии, с горящими глазами вытащил из бюро огромную папку, перевязанную выцветшей лентой.

— Павел Иванович! — воскликнул он, бережно кладя её на стол. — Вы пробудили меня от летаргии. Я чувствую в себе силы. Если вам действительно интересно... я готов изложить свой проект полностью. Без утайки.

Чичиков изобразил на лице высшую степень нетерпения и любопытства, пододвинул кресло поближе к камину (несмотря на то что май был уже в разгаре, вечера оставались прохладными) и приготовился слушать.

Тентетников развязал ленту дрожащими от волнения пальцами. Перед Чичиковым предстала квинтэссенция русского просвещенного хозяйствования того времени: чертежи полей, расчёты урожайности, таблицы севооборота и пространственные философские рассуждения на полях.

— Вот, извольте видеть, основа основ, — начал Андрей Иванович, тыкая пальцем в сложный чертёж, напоминавший одновременно карту военных действий и астрологическую схему. — Это система артельных наделов. Видите? Крестьянский мир делится не по старинке, а по агрономической целесообразности. Здесь у нас будут поля под пшеницу, здесь — под технические культуры, лен и конопля для продажи. А вот тут, в низине, мы организуем коллективный ого-

род. Мужики работают сообща, но результат делят честно!

— Коллективный труд! — восхищенно прошептал Чичиков, глядя на схему так, словно перед ним была карта сокровищ. — Какая смелость мысли! Но ведь это требует совершенно иного уровня сознания...

— Именно! — перебил его Тентетников, оседлав любимого конька. Он вскочил и начал ходить по кабинету, активно жестикулируя. — В этом вся соль! Мой метод предполагает не принуждение, а *просвещение*! Я планировал построить школу. Не церковно-приходскую, где учат только псалтырь читать, а настоящую! Где преподавали бы основы арифметики, чтобы мужик мог сам вести учет своему труду, и естествознания, чтобы понимал природу почвы! Образованный работник — эффективный работник!

Он остановился, схватил другой лист, исписанный убористым почерком. — Смотрите дальше. Проблема нашего хозяйства — цикличность бедности. Урожай есть — цены падают. Урожая нет — мужику нечего жрать. Решение? Хлебный амбар! Общественный запас. В годы изобилия мы закупает зерно по низкой цене в казну имения. В голодный год продаем его своим же крестьянам по себестоимости или выдаем в долг под будущий урожай. Это убивает двух зайцев: страхует мужика от голода и стабилизирует доходы имения!

Чичиков слушал, кивал, иногда задавал уточняющие вопросы, которые лишь подстегивали оратора: — «А как вы планируете контролировать честность старосты над арте-

лю?»— «Неужели вы думали привлечь иностранных агрономов для обучения?»— «Какова, по-вашему, должна быть рентабельность проекта через пять лет?»

Каждый вопрос заставлял Тентетникова углубляться в детали всё глубже. Он говорил о породах скота, которые собирался выписать из Англии, о новых плугах, о мелиорации болотистых земель, превращая их в сенокосы. Его голос окреп, спина распрямилась. Исчез сутулый «коптитель неба», на его месте стоял вдохновенный прожектёр, готовый перевернуть мир.

— И самое главное, Павел Иванович, — Тентетников понизил голос до торжественного шепота. — Это не просто способ разбогатеть. Это миссия. Показать всей России новый путь. Создать здесь, в этой глуши, оазис процветания и справедливости. Чтобы другие посмотрели и сказали: «Вот как надо!». Чтобы мужик перестал смотреть волком, а почувствовал себя частью великого дела. Чтобы дворянство вспомнило свое истинное предназначение — служить отечеству не шпагой, а созидательным трудом!

Он замолчал, тяжело дыша. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине. Чичиков медленно взял один из листов, подержал его в руках, словно взвешивая гениальность написанного. — Андрей Иванович, — произнес он наконец тихим, растроганным голосом. — Я преклоняюсь перед вами. То, что я видел в других имениях — дикость, варварство, первобытный грабеж. А

здесь... здесь я вижу будущее России. Вы не помещик. Вы — государственный муж, которому выпало несчастье родиться раньше своего времени. Ваш проект безупречен. Единственная загвоздка... — Чичиков сделал паузу, внимательно глядя на хозяина.— Какая? Деньги? Люди? — встревожился Тентетников.— Нет-нет. Исполнение! Ваша энергия нужна здесь, на месте. Вы должны стать душой этого дела. А кто возьмет на себя черновую работу? Кто будет мотаться по губерниям, закупать племенной скот, договариваться с поставщиками плугов, везти учителей из Москвы? Ваше место — здесь, в роли архитектора нового мира. А прорабом должен быть человек практичный, цепкий, лишенный сантиментов, но преданный вашей идее.

Тентетников смотрел на него широко раскрытыми глазами. Новая мысль, еще более грандиозная, чем все предыдущие, рождалась в его голове.— Вы правы... Вы тысячу раз правы. Мне нужен управляющий. Человек действия.

— Или поверенный, — мягко добавил Чичиков, откладывая бумаги в сторону. — Человек, который станет вашими руками и ногами во внешнем мире. Тот, кому вы могли бы доверять как самому себе. Тот, кто разделяет ваши идеалы и обладает необходимой хваткой. Поверьте моему опыту, такие люди редкость, но они существуют. И если такой человек появится, ваше имение станет жемчужиной всей губернии.

Лицо Тентетникова озарилось мальчишеским восторгом. Он снова бросился к бюро, на этот раз извлекая из его недр

тонкую брошюру в кожаном переплете с тисненым заглавием: «The Improved Breeds of British Livestock».

— Вот! — воскликнул он, бережно перелистывая страницы с цветными литографиями. — Вы затронули самую суть, Павел Иванович! Мой план был не просто о плугах и зерне. Это лишь скелет. Мясо на эти кости должны были нарастить они!

Он развернул книгу так, чтобы Чичикову было лучше видно.— Смотрите. **Шортгорн**. Английский шортгорнский скот. Это же воплощение мощи и пользы! Обратите внимание на ширину груди, на линию спины... В отличие от нашей российской буренки, которая дает молока едва ли больше, чем коза, шортгорн — это идеал двойного назначения. Отменная говядина и при этом внушительные удои! Представьте себе стадо таких красавцев на наших заливных лугах! Я вел расчеты. Один шортгорн может заменить трех местных коров по выходу продукции. А их выносливость! Они способны нагуливать вес даже на умеренных кормах.

Чичиков внимательно рассматривал изображение могучего быка, цокал языком и кивал с видом знатока, хотя в животноводстве понимал столько же, сколько в санскрите.— Да-да, внушительно. И дорого, полагаю?— Дорого! — азартно подтвердил Тентетников. — Но это инвестиция! Не траты, а вложение в будущее! Я списывался с одним заводчиком из Дарема. Цены кусаются, но результат окупит всё с лихвой через три-четыре года. Я заложил в смету покупку десяти

нетелей и двух племенных быков для начала. Это стало бы ядром нашего стада.

Он перевернул страницу, и его голос стал еще более воодушевленным.— А вот это моя особая страсть! **Лейстерская овца!** На литографии красовалось животное с удивительно длинной, густой шерстью и характерным римским профилем.— Видите эту шерсть? Она длинная, блестящая, почти без ости. Идеальна для камвольного производства! Англия одевает весь мир в сукно, потому что у них есть лейстеры. А мы? Мы стрижем наших овец, получаем грубую шерсть, годную разве что на войлок. Я мечтал создать тонкорунное овцеводство. Поставлять шерсть прямо на мануфактуры, минуя перекупщиков. Одна такая матка дает шерсти в два раза больше обычной, да еще и ягнят приносит легко, падежа почти нет.

Тентетников говорил быстро, сбивчиво, глаза его горели лихорадочным блеском. Он уже не сидел в кресле, а стоял над сидящим Чичиковым, размахивая книгой как проповедник Библией.— И наконец, лошади. Никакого русского битюга! Для тяжелой работы он хорош, но медлителен и неразворотлив. Я хотел выписать **шайров**, английских тяжелозов. Эти гиганты могут тащить любой плуг по самой тяжелой целине, но при этом обладают грацией и умом, которых нет у наших крестьянских кляч. Пара шайров заменила бы целый табунок обычных лошадей на пахоте. Эффективность, Павел Иванович! Во всем должна быть эффективность!

Он захлопнул книгу и посмотрел на Чичикова с торжествующим видом человека, только что раскрывшего главную тайну вселенной.— Понимаете теперь масштаб? Это не просто покупка скота. Это полная перестройка всей экономической модели имения! Новые породы требуют новых условий. улучшенных кормов, чистых конюшен, грамотного ветеринара. Это запуск целого механизма! Крестьяне бы видели результат своего труда, получали бы часть прибыли от продажи мяса и шерсти, их благосостояние росло бы вместе с нашим...

Чичиков слушал этот поток сознания, и в его маленьких глазках отражалось нечто похожее на восхищение, смешанное с холодным расчетом. Он видел перед собой не просто мечтателя, а человека с детально проработанным, хоть и утопическим, бизнес-планом. Планом, который требовал огромных вложений, сложной логистики и, самое главное, неусыпного контроля.

«Какое богатство пропадает», — думал про себя Чичиков, глядя на раскрасневшегося хозяина. «Какой потенциал! Если бы найти подход к этому сумасброду, можно было бы... Нет-нет, сейчас нельзя спугнуть. Нужно подпитывать этот огонь». Вслух же он произнес:— Андрей Иванович, друг мой. Теперь я понимаю, почему ваши идеи называют гениальными. Вы мыслите категориями будущего. Вы смотрите на пять, десять лет вперед, когда другие видят лишь завтрашний день. Ваш проект... он великолепен. И я готов

помочь вам всем, чем смогу, чтобы вдохнуть в него жизнь.

Генерал Бетрищев, человек громогласный и прямой, как его армейская выправка, долго хохотал басом, сотрясая стекла в окнах своего кабинета. История, которую наплел ему Чичиков о своем несуществующем дядюшке-крепостнике, показалась генералу верхом комизма.

— Ах ты, шельма! — гремел он, хлопая Павла Ивановича по плечу с такой силой, что тот слегка приседал. — Вот это хватка! Значит, старик требует сначала купить душ для виду? Ха-ха-ха! Ну, купи у меня! Мне не жалко. У меня их, слава богу, за годы эпидемий да рекрутских наборов столько перемерло, что и не сосчитать. Даром отдам, только чтоб твоего дядюшку потешить!

Так, под раскаты генеральского смеха, сделка была заключена. Генерал вызвал приказчика, велел составить списки и выдать Чичикову необходимые бумаги на «мертвые души», совершенно не подозревая об истинных намерениях гостя. Павел Иванович же, спрятав документы во внутренний карман фрака, сиял скромной улыбкой победителя.

Однако на этом миссия Чичикова не закончилась. Узнав о примирении Тентетникова с дочерью (в чем Павел Иванович поспешил взять на себя роль миротворца) и грядущей помолвке, генерал пришел в прекрасное расположение духа. — Это дело надо отметить! — заявил он. — А заодно и родню известить надобно. Поезжай-ка ты, братец Павел Иванович, к моей свояченице, Марфе Петровне Минкиной, в её име-

ние Гороховое. Отвезешь письмо, расскажешь новости. Заодно помотришь, как люди живут. Ты ведь, я слышал, сам хозяйством интересуешься?

Отказаться было невозможно. На следующее утро, тепло попрощавшись с Тентетниковым (который был так поглощен своими проектами, что едва заметил отъезд друга), Чичиков снова тронулся в путь.

Дорога, однако, оказалась сущим наказанием. Свернув с тракта на проселок, рекомендованный каким-то встречным мужиком, бричка Чицкова вскоре увязла в грязи по самые ступицы. Лошади выбивались из сил, чавкая копытами в черном месиве.— Эх, барин, — философски заметил Селифан, почесывая затылок кнутовищем. — Тут, видать, без трактира не выберемся. Вон там, за леском, дымок вьется. Должно быть, усадьба Петра Петровича Петуха. Он гостей любит, авось не прогонит.

Чичиков, уставший и промокший до нитки, был рад любому пристанищу. Усадьба Петуха встретила их не парадным подъездом, а настоящим нашествием запахов. Казалось, сам воздух здесь состоял из ароматов жареного лука, печеного теста и кипящего бульона.

Сам хозяин, Петр Петрович Петух, являл собой зрелище монументальное. Это был человек необъятных размеров, похожий на гигантский колобок. Когда Чичикова ввели в столовую, Петух сидел за столом... совершенно голый по пояс, повязанный лишь одной салфеткой. Перед ним стоял огром-

ный чугунок со щами, который он опустошал с пугающей скоростью.— А-а! Гости! — проревел он густым басом, ничуть не смущаясь своего вида. — Какая радость! Эй, холуи! Еще поросенка! И гуся тащите! Да живее, черти!

Обед превратился в кошмар для любого человека, следящего за своим здоровьем. Еда прибывала непрерывно: кулебяки, расстегаи, жареные утки, горы блинов со сметаной. Хозяин ел за десятерых, успевая при этом вести беседу, суть которой сводилась исключительно к кулинарии.— Вы грибочки-то попробуйте! Солил сам, по особому рецепту! А вот осетрина! Свежая, вчера еще хвостом была! Не побрезгуйте! — кричал он, запихивая в рот очередной кусок.

Выбраться из этого гастрономического рая оказалось сложнее, чем из дорожной грязи. Чичиков уже начал придумывать предлог для срочного отъезда, ссылаясь на неотложные дела, когда судьба послала ему спасение в лице нового лица. В столовую вошел высокий, стройный молодой человек с красивым, но невыразимо скучающим лицом. Это был Платон Михайлович Платонов, сосед и приятель Петуха.— Опять жуете, Петр Петрович? — лениво протянул он, даже не глядя на стол, ломившийся от яств. — Добрый день, сударь. Я вижу, вы попали в плен к нашему гурману.

Петух только радостно замахал руками:— Садись, Платоша! Садись! Сейчас тебе всего принесут! Человек с дороги голодный!— Благодарю покорно, я завтракал, — все с той же томной апатией отказался Платонов. — Я просто зашел

справиться о здоровье вашей супруги. Говорят, она занемогла от излишнего употребления бланманже.

Платонов перевел взгляд на Чичикова, и в его глазах промелькнул слабый огонек интереса.— Позвольте представиться, Платонов. Судя по вашему лицу, вы человек разумный и, вероятно, тоже страдаете от местной тоски зеленой?

Чичиков мгновенно уловил родственную душу. Здесь, в отличие от имения Тентетникова, где царила апатия деятельная, здесь властвовала апатия сонная, полная пресыщения.— Страдаю, батенька, еще как страдаю! — воскликнул Павел Иванович, откладывая вилку с недоеденным пирогом.— Жизнь в провинции, отсутствие движения, светской жизни... Душа просит простора!

Предложение было принято с восторгом. Чичиков готов был ехать куда угодно, лишь бы подальше от бесконечных поросят. Через час они тряслись в тарантасе Платонова, оставляя позади усадьбу Петуха, откуда еще долго доносились призывные вопли хозяина, зовущего всех проезжающих разделить с ним трапезу. Впереди лежала дорога, а рядом сидел спутник, чья скука обещала стать отличным полем для маневров самого искусного собеседника.

— Петр Петрович Петух? — переспросил Платонов, когда их тарантас выехал на более-менее сухой участок дороги. Он произнес это имя с такой интонацией, будто говорил о природном явлении, вроде урагана или весеннего половодья. — О, это местная легенда.

Платонов откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Чичиков весь обратился в слух, предвкушая занятную историю.— Знаменит он, сударь мой, одним единственным талантом, но зато каким... Он — воплощенный пищеварительный процесс. Вся его жизнь, все мысли, всё существование подчинено одной великой цели: есть. Не кушать, заметьте, а именно *есть*— жадно, много и непрерывно. Для него еда — это не способ поддержания жизни, а сама жизнь.

Платонов приоткрыл один глаз и покосился на Павла Ивановича, проверяя впечатление от своих слов.— Его имение заложено и перезаложено. Доходов нет, мужики разбежались, поля зарастают бурьяном. А ему дела нет! Зачем урожай, если можно продать лес и купить телятины? Зачем чинить крышу, если можно потратить деньги на стерляжью уху?

Он сделал паузу, глядя на унылый пейзаж за окном.— Обед у Петуха — это не трапеза, это священнодействие. Он начинает с кулебяки на пять слоев, переходит к жирным щам из свежей капусты, затем следует молочный поросенок с кашей, после чего наступает черед дичи всех мастей. И всё это запивается квасом, морсами и, конечно, водкой. Но ест он не как обжора. О нет! У него своя философия. Он утверждает, что истинный русский дух проявляется только во время еды. Что за обедом решаются судьбы империй и рождаются гениальные идеи. Правда, я ни разу не видел, чтобы после

его обедов кто-то был способен родить хоть какую-нибудь мысль, кроме желания прилечь.

Чичиков слушал, кивая и внутренне посмеиваясь. Образ голого по пояс колобка, поглощающего щи, стоял перед глазами.— Самое забавное, — продолжил Платонов, повысив голос, чтобы перекричать стук колес, — что он искренне считает себя хлебосольным хозяином и благодетелем. Он свято верит, что оказывает вам высочайшую честь, позволяя объедаться до полусмерти на его кухне. Отказаться невозможно. Если вы скажете «я сыт», он решит, что вы смертельно оскорблены его угощением, и будет кормить вас насильно. Единственный способ выжить — сослаться на внезапную болезнь желудка и упасть в обморок. Я обычно так и делаю.

— А супруга его? — поинтересовался Чичиков, вспомнив упоминание о бланманже.— Ах, Прасковья Федоровна... Она — полная противоположность. Худая, бледная, вечно страдающая мигренями. Её удел — диетическое питание и легкие десерты. Говорят, она вышла за него по молодости, прельстившись его громким голосом и уверенностью, но теперь лишь тихо увядает в углу, пока её супруг ведет свою гастрономическую баталию. Они — идеальный пример дисгармонии. Он — плоть, она — тень.

Тарантас подпрыгнул на кочке, и Платонов поморщился.— Знаете, Павел Иванович, иногда мне кажется, что Петух — это не человек, а какой-то аллегорический персонаж. Живое воплощение русского загула, бессмысленного и бес-

пощадного. Он проедает свое будущее, живет в долг ради минутного удовольствия, и ничто в мире не может заставить его изменить свой путь. Это своего рода трагическая мощь... Хотя, признаться, наблюдать за ним со стороны весьма забавно.

Чичиков задумчиво погладил подбородок. В отличие от апатичного Тентетникова, который тратил энергию на бесплодные мечты, Петух тратил её с первобытной, животной страстью. Один коптил небо, другой сжигал его в огне своей утробы. Оба были бесполезны для дела, но оба представляли собой великолепный материал для наблюдателя. Или для человека, умеющего извлекать выгоду из чужих слабостей.

— К его страсти? — Платонов издал тихий, сухой смешок, похожий на шелест старой бумаги. Он достал табакерку и неторопливо заложил понюшку табака, словно давая понять, что разговор предстоит долгий и не из приятных. — Она не относится к ней, Павел Иванович. Она её претерпевает.

Платонов помолчал, глядя куда-то в серую даль полей, размытых дождями.— Представьте себе жизнь рядом с постоянно действующим вулканом. Вы знаете, что он может проснуться в любую минуту, и этот грохот, эта лава — всё это не имеет к вам никакого отношения, но оно определяет ваше существование. Прасковья Фёдоровна живёт в состоянии вечной, тихой обороны от этого гастрономического извержения.

Он убрал табакерку и продолжил, понизив голос:— Её

мир — это крошечный островок аскетизма посреди океана обжорства. Пока Пётр Петрович громогласно рассуждает о достоинствах жирной свинины, она глотает отвар ромашки от мигрени. Когда стол ломится от пирогов, ей подают блюдце с бланманже или желе из ягод. Говорят, у неё есть специальная повариха-француженка, которая готовит для неё эти диетические яства. Для Петра Петровича любая еда без мяса и жира — оскорбление национального достоинства, поэтому он просто игнорирует эту сторону жизни жены, как игнорируют чудачество больного родственника.

Чичиков живо представил себе эту картину: огромный, багровый от еды Петух во главе стола и где-то в тени, в углу, бледная тень женщины с чашкой бульона.— Но ведь это... должно быть невыносимо скучно? — предположил Чичиков.— Скука? — переспросил Платонов, и впервые за весь разговор в его глазах мелькнуло что-то похожее на живой интерес. — О, вы не понимаете. Это не скука. Это форма медленного угасания. Её отношение к его страсти — это молчаливый протест. Протест тела, которое отказывается принимать участие в этом безумном празднике живота. У неё свои маленькие радости: новый рецепт желе, вышивка, чтение французских романов. Она выстроила вокруг себя стену из мигреней и диет, чтобы не видеть и не слышать того пира, который беспрерывно идёт в её собственном доме.

Он вздохнул.— Иногда мне кажется, что она ненавидит еду. Любую еду. Потому что для неё еда — это он. Его нена-

сытность, его эгоизм, его полное поглощение всего сущего ради одного примитивного инстинкта. Каждый кусок, который он отправляет в рот, — это ещё один гвоздь в крышку гроба их брака. Она видит, как состояние тает, имение рушится, а он лишь требует стерлядей. И её молчание... это самое страшное. В нём больше осуждения, чем в самом громком крике.

Тарантас снова подпрыгнул, и Платонова качнуло. — Знаете, в чём главная трагедия Прасковьи Фёдоровны? — тихо добавил он. — В том, что она понимает всю бессмысленность своего сопротивления. Вулкан всегда будет извергаться. Пётр Петрович никогда не изменится. А она так и останется этой бледной, худой тенью, существующей вопреки всему этому изобилию. Они — идеальный символ разоряющегося дворянства: он проедает последнее, а она тихо умирает от голода среди несметных запасов.

Чичиков слушал эту исповедь с профессиональным вниманием. Он видел перед собой не просто скучающего барина, а тонкого наблюдателя человеческих душ. «А ведь наш Платоша не так прост, как кажется», — подумал он. «Его апатия — это броня, защищающая от пошлости окружающего мира». Вслух же он сказал: — Печальная история. Какая дисгармония... — Дисгармония — это основа бытия, — философски заключил Платонов, снова прикрывая глаза. — Особенно в наших краях.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.